

18+

ЭМЕНДИЛЬ ЛАЗУРНЫЙ
Изумрудная
ПЕСНЬ

ОЛЕСЯ РИЯКО

Олеся Рияко

Изумрудная песнь

«Автор»

2021

Ряко О.

Изумрудная песнь / О. Ряко — «Автор», 2021

Эльфы и орки - два рода, два враждующих племени, которым никогда не суждено примириться. Но что, если божественное проведение сплетет воедино судьбы последней выжившей из уничтоженного эльфийского дома и молодого вождя орочьего племени, пленившего ее? Встреча, которой не должно было случиться. Вражда, которой не суждено угаснуть. "Изумрудная песнь" - невероятная любовь, воспетая в легендах Эвенора.

© Ряко О., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олеся Рияко

Изумрудная песнь

Пролог

...Он, не отводя взгляд, смотрел на неё сверху вниз, а потом вдруг медленно опустился на одно колено, пригнувшись, чтобы оказаться с эльфийкой на одном уровне.

– Арана... – прошептал он что-то на своём наречии и вдруг поднёс огромную руку к её лицу, заставив эльфийку в ужасе отпрянуть в сторону.

Но бурвадег словно и не заметил этого – наклонившись чуть вперёд, он одним пальцем убрал соломенный локон от её лица и склонил свою косматую голову набок, явно разглядывая её.

– Ты сложила оружие?

– Ч-что? – не поверила своим ушам Нера. – Я что?

Переспросила и бросила взгляд за широкую спину орка. Где-то там, отброшенный в высокую траву, лежал её лук. Или то, что от него осталось, если учесть, с какой силой бурвадег вырвал его из её руки.

– Говорю, ты сдалась? Или станем драться ещё?

От жуткого акцента этого дикаря резало слух, но говорил он вполне сносно и вряд ли путал слова. Просто смысл его слов был ей совершенно неясен. Ведь зачем спрашивать, сдалась ли она, если сам всего мгновение назад оставил её без оружия? Или что же, он пытается узнать, станет ли она сопротивляться, если ему вздумается оставить её в живых? Но это тем более глупый вопрос, во-первых, потому что она никогда не перестанет сопротивляться, даже если окажется связанной, парализованной или всё вместе, а во-вторых, потому что бурвадеги – налётчики, жестокие убийцы, и всем известно, что они никогда не берут пленных.

– Почему спрашиваешь? – спросила Нера, дерзко вздёрнув нос. – Боишься проиграть? Может мне тебя ещё предупредить перед тем, как удар исподтишка нанести?

Орк посмотрел на неё странно, будто на самую последнюю дуру, и пожал плечами, снисходительным тоном сообщив:

– Хочешь драться – будем драться. – А потом добавил что-то уж совершенно непонятное. – Всё равно будешь моя.

Нера успела только вскрикнуть, когда, сказав это, орк резко схватил её за руку и дёрнул на себя, впечатав эльфийку в свою грудь, точно в каменную стену. Огромная лапища прижала её к нему так, что Нера не могла и шелохнуться, пока другая с треском дёрнула в сторону ворот лёгкого платья, разрывая его от плеча до пояса. Одним махом оголяя маленькую, вздёрнутую грудь с тугой горошиной розового соска....

Глава 1

*"Ты строго не суди,
Судить тебя готовых,
Им не пройти пути
Которым ты прошёл
Закрой глаза,
Открой им сердце снова
Кто знает, вдруг поймут
Что ты судьбу нашёл..."*
Эмендиль Лазурный "Изумрудная песнь"
перевод с эльфийского

– Мне страшно, – послышался за спиной Нерандиль тревожный шёпот подруги, – может, вернёмся, пока не поздно? Пойдём днём... всё же полночь – опасное время для прогулок по лесу. – Осторожно добавила она.

Нера закатила глаза и, тяжело вздохнув, остановилось, развернувшись к Эрисин. Ну, сколько раз ей в самом деле нужно было объяснять, что днём они наверняка бы наткнулись на кого-нибудь из деревни и те уж точно поинтересовались бы, что юные эльфийки забыли так далеко от дома и куда держат путь? А после, разумеется, развернули бы их обратно, и сдали прямиком старейшинам на поруки! Потому что те строго-настроено запретили кому бы то ни было искать встречи с сумасшедшей аданой, хоть бы и по наиважнейшему из возможных дел.

Но едва взглянув на подругу, Нерандиль тут же позабыла о своём раздражении. В свете луны волосы Эрисин отражали свет, словно волны тёмной реки, а на бледном лице эльфийки застыло выражение искреннего беспокойства. Разве же она сама не боялась встретиться с аданой... и узнать свою судьбу?

– Уф найё... и ты веришь в эти глупые суеверия? Полночь – время духов и умертвий... у-уу! Ну, что ты как маленькая?

Сказала с укором и бодро пошла вперёд по еле заметной тропинке, раздвигая длинной стрелой, вытащенной из колчана для этих целей, пушистые папоротниковые лапы.

– Не маленькая я. – Настырно фыркнула эльфийка, но нагнав подругу, снова принялась за своё. – И с чего ты взяла, что мы её найдём, а? Может, эту сумасшедшую уже давно лесные коты задрали... – вдруг позади девушек с ветки резко вспорхнула большая хищная птица, заставившая их тут же прильнуть к земле, ловко скрывшись в густом подлеске. – ... или медведь. – Едва уловимым шёпотом закончила она.

– Пффф, Эрисин, ну какой медведь здесь? – усмехнулась Нера, смело поднявшись первой. Но стрелу с тетивы всё же не сняла. – Это тебе не Чернолесье. Тут, упаси Лантишан, разве что на бешеных ежей можно наткнуться.

– А волки? – настойчиво поддела её подруга. – Бермендиль вчера говорил, что видел целую стаю под холмом у старого дуба!

– А ты и уши развесила. Бермендиль это, Бермендиль то... Что, небось думаешь, что он твой истинный, твой ишааль?

Нера даже не оборачиваясь ощутила, как сильно девушка смутилась от этих слов. Эрисин, в отличие от неё, ещё не отметила свой десятый Фелиамэль Лантишан, праздник совершеннолетия, а потому не могла увидеть суженого ни в одном из эльфов. Но всем, имевшим зрение в их общине, и без всяких слов было ясно, что маленькая темноволосая эльфийка неровно дышала к высокому статному голубоглазому охотнику, с белокурыми волосами ниже плеч, тоже ещё не встретившему свою единственную.

– А что, если нет? Вон, Кирани тоже на него заглядывается. И ей тоже скоро отмечать десятый Филиамэль.

– Нет, только не Кирани! – яростно воскликнула Эрисин, позабыв все свои страхи про волков и диких котов. – Если она его... я ей все её волосёнки жиденские оборву!

– Уф наййе! – рассмеялась Нера, – Ну, оборвёшь. Да только если он её ишааль, она ему и лысой милее тебя будет. – Сказала быстро и, хохоча, побежала вперёд по тропке, чудом увернувшись от маленьких, но метких кулачков подруги.

– Вот увидишь, – уверенно сказала Эрисин, наконец догнав её у оврага, за которым начиналась старая часть Аскодского леса. Та, в которую юным эльфийкам нельзя было заходить даже при свете дня, а уж в тёмную полночь и подавно. – Она скажет, что Бермендиль мой суженый. По-другому и быть не может. А вот тебе напророчит какого-нибудь барсука или юдоль озёрную! Вот тогда будешь знать, как надо мной насмеяться!

– Ой-ой! – шутливо испугалась Нера и, присев на корточки, смело скатилась на дно оврага по пологой стороне. Сказала уже оттуда, призывно махнув рукой осторожной подруге, – Уж лучше молчаливый барсук, чем напыщенный лопухий олух, у которого только и разговоров, что о том, какой он могучий и меткий охотник, и все звери в округе за сердца хватаются, едва его почуют. Ага! От смеха! Потому что Бермендиль твой только хвалиться и горазд, а сам даже тетиву нормально натянуть не может!

– Ах ты! – возмущённо пискнула Эрисин и, гневно поджав губы, скатилась вслед за шутницей, готовая прямо сейчас отстоять доброе имя своего возлюбленного. – погоди, ты у меня сейчас за каждое гадкое словечко о нём на орехи получишь!

– Я слышала, что она обманом пробралась в покои к самому Эвандоэле...

– И ему про свои глупые сны рассказывала? Пфф... – фыркнула Нера, закатив глаза, – а кто не слышал. Мы с тобой, как бы, из одной деревни. У нас только глухой об этом не слышал, да и те давно по губам прочли.

Эрисин недовольно прищурилась и даже демонстративно отодвинулась в сторону от подруги. Но недалеко. Под разлапистым кустом на небольшой скале было не так уж и много места. Зато с неё открывался хороший вид на долину внизу и низенький вход в пещеру, освещённую пламенем маленького костерка. Кто-то время от времени бродил в ней, заставляя свою тень плясать на земле у самого входа.

– Вот ведь не жилось ей спокойно. И как она теперь, бедная? Совсем одна здесь. – Грустно вздохнула Эрисин. – Ей ведь даже запретили посещать Фелиамэль Лантишан. Как думаешь, что с ней станет без благословения богини?

Нерандиль нахмурилась и потёрла переносицу указательным пальцем.

– Думаю то же, что с бешеным Дунком-предателем. Быстро состарится и умрёт в одиночестве. Может быть, даже никто не захочет отнести то, что останется от неё в Сонный Дол.

– Жутко... – тихо ответила эльфийка и с сочувствием посмотрела в сторону пещеры.

– Ладно, – прервала грустное молчание Нера и попятилась назад от уступа, – пойдём уже. Хорошо что она не спит, но всё равно не думаю, что она будет рада полночным гостям.

Со скалы подруги спустились достаточно быстро, но как только пещера, в которой поселилась сумасшедшая провидица, оказалась в поле зрения, обе не сговариваясь сбавили шаг. Казалось, что было в воздухе вокруг неё что-то такое, что заставляло испытывать странное напряжение. Будто сотни глаз вокруг в один миг уставились на эльфиек и теперь следили за каждым их шагом.

У низкого входа в обитель лесной отшельницы Эрисин и Нера вдруг застыли в нерешительности.

– Ты вперёд. – Прошептала первая, тяжело сглотнув.

– Вот ещё, – фыркнула Нерандиль, – я всегда впереди, давай в этот раз ты. В конце концов, не ты ли мне все уши прожужжала про то, что нам во что бы то ни стало нужно к ней сходить, раз адана поселилась так близко к деревне.

– Так говоришь, будто сама не хочешь узнать, кому суждено стать твоим ишааль. – Обиженно ответила девушка, но, обняв себя за плечи для бодрости духа, всё же шагнула вперёд.

Едва они ступили под защиту тяжёлых, каменных сводов, воздух вокруг стал густым и горячим, как свежий бульон. Он был наполнен запахами жжённых полевых трав и сгоревших поленьев.

– Есть здесь кто-нибудь? – осторожно спросила Эрисин, прекрасно зная ответ на этот вопрос.

В глубине пещеры раздался шорох, заставивший девушек встрепенуться и замереть на месте.

– Лафени ашалл, манниан ивиго... – осторожно поздоровалась Нера, но прорицательница не ответила ей.

– Может... – нерешительно прошептала Эрисин, склонившись к плечу подруги, – может это не она? Что, если Бермендиль ошибся и видел здесь совсем не её, а... кого-то другого?

Эльфийка усмехнулась.

– Неужели ты сомневаешься в словах благородного Бермендила? Он же никогда не врёт и не ошибается, разве нет?

– Ну... все мы порой видим не то, что есть на самом деле.

Из глубины пещеры послышался сдавленный хриплый смех, постепенно переросший в болезненный кашель. От этих звуков обе девушки замерли на месте и вцепились друг в дружку негнушными от страха пальцами.

– Какая глупая девочка и какие мудрые слова! – сдавленным голосом произнёс кто-то из глубины пещеры. По хриплому, низковатому тону было не понять, говорил ли это мужчина или женщина. В глубине пещеры мелькнула тень, она медленно поднималась девушкам навстречу, выходя словно из-под земли. – Нам всем стоило бы смотреть пристальнее, прежде чем делать выводы, а не рубить сплеча... нда... это буквально эпитафия всей моей жизни.

– Госпожа прорицательница, это вы? – чуть не плача взмолилась Эрисин. – Пожалуйста, покажитесь. У нас... мы тут вам кое-что принесли. – Она схватилась за тряпичный узелок позади, и поспешила развязать его непослушными от волнения пальцами, демонстрируя принесённые дары. – Немного мёда с орехами, сыр, вино... шёлк для ваших одежд...

– Шёлк? – с усмешкой произнесла тень, медленно выступившая из-за тёмного уступа в глубине пещеры. Маленький костерок, разведённый недалеко от входа, заставлял её причудливо множиться на стенах, будто прямо сейчас навстречу эльфийкам выступила не одна, а не меньше шести отшельниц. – Гладкий и блестящий, для невесомых платьев, льнущих к телу, словно вторая кожа... обрисовывающий всё хе-хе пленительные изгибы? Ха-ха-ха! Да, именно шёлка мне больше всего не хватало, с тех пор как Эвандоэле повелел взашей гнать меня от каждого эльфийского порога!

Тень приближалась странным образом, будто уменьшаясь в размерах, а голос её хриплый, простуженный и почти мужской становился всё более злым.

Глава 2

Даже не сговариваясь, эльфийки отступили к выходу, под напором злости и желчи, скво-зившей в словах изгнанницы, а Нерандиль даже неосознанно возложила стрелу на тетиву своего длинного лука. И это не укрылось от прорицательницы – она рассмеялась ещё злее, жёлчней, словно довольная произведённым на них эффектом. А потом вновь закашлялась и медленно прохромала к костру, наконец явив девушкам свой жалкий вид.

Сгорбленная, одетая в драную хламиду, бывшую когда-то плотным шерстяным плащом и скромным платьем из зелёного льна, женщина казалась измождённой лишениями и временем, хотя если верить слухам была всего-то на десяток Фелиамэлей старше девиц, явившихся к ней среди ночи. Её длинные тёмные волосы опали на плечи и лицо толстыми свалывшимися колтунами и только ярко-голубые глаза всё ещё демонстрировали внутреннюю силу прорицательницы.

– Какого хоть цвета ваш шёлк? – с издёвкой спросила она. – Пойдёт ли цвету моей кожи, подчеркнёт ли оттенок волос?

Эрисин открыла было рот, но так и захлопнула его в молчании. Что она могла сказать ей на это? Извиниться за свою глупость? Посочувствовать? Вряд ли то или другое было здесь уместно.

– Что ж, давайте сюда, что вы там принесли. – Сказала и как-то по-хищнически проворно подскочила к девушке и вырвав у неё из побелевших рук узелок, вернулась к своему костру. – Ммм... вкусный сыр... уже и забыла какво на вкус что-то кроме мха и рыбы!

Эрисин и Нерандиль нервно переглянулись. Пожалуй, даже слыша о сумасшедшей адане всякие небылицы, они не были готовы к встрече с женщиной настолько одичавшей.

– Госпожа прорицательница, – решила прервать её трапезу Нера, – мы пришли к вам...

– Э как, госпожа-а... – протянула та и, нехотя развернувшись, к гостям уселась спиной к костру, вытянув вперёд грязные ноги с чёрными отросшими ногтями, – уж скоро семь сезонов прошло, как никто не звал меня госпожой. Последним был плюгавый эльфишка, но и тот растерял всю вежливость, когда я вытянула на свет Лантишан всю его поганую суть.

Сказала и, скривившись, смачно сплюнула в сторону, а после сладко шурясь громко отхлебнула вина из бурдюка, который Эрисин стащила у своего отца.

– Хорошее вино... а эльфы мне всё чаще попадают с гнильцой.

– Но постойте-ка, вы же и сама... – не удержалась Нера.

– Что? Тяжело испытывать привязанность к тем, кто вначале волком смотрел на тебя за то, что кровь нечиста, а потом гнал палками чуть ли не через всё Чернолесье, за то, что смела правду сказать, от которой глаза колет.

– Какую?

Услышав этот вопрос от Эрисин, прорицательница даже подавилась, а потом рассмеялась своим страшным хриплым, кашляющим смехом.

– Какую? Ха-ха-ха! Какую! И ты ещё спрашиваешь! – Тяжело кряхтя, женщина поднялась на негнущихся ногах и гордо выпрямившись произнесла с явным наслаждением, – Такую, за которую любому эльфу уши укоротят, а грязнокровке вроде меня на всю жизнь запретят являться соплеменникам. Горькую, страшную, но от того не менее неотвратимую. Грядёт день, когда от эльфийского рода останутся жалкие ошмётки и даже красавец Алдуин перестанет кипеть прежней жизнью. Весь Эвенор наводнят те, кто во всём слабее нас, но куда достойнее этих земель чем любой из детей Лантишан. Другие боги придут в Эвенор, и совсем другие короли будут править тут от сих и до скончания веков. Вот что я сказала Эвандоэле, и вот за что была отправлена в вечное изгнание.

Тишина воцарилась в пещере и только треск поленьев в костре, да тихий шёпот ветра в кронах деревьев снаружи наполняли её.

– Кхе-кхе, – вдруг прервала её Эрисин, – это всё понятно. Мы уже слышали об этом вашем предсказании, но ведь всё случится ещё нескоро, так?

Лицо прорицательницы вытянулось в удивлении. Та недовольно поморщилась, а после широко улыбнулась, продемонстрировав ряд тёмных зубов.

– Твоя правда. Уж не волнуйся, на своём веку тебе этого не застать, красавица.

– Ну вот и славно! – обрадовалась девушка, – А мы пришли узнать, не соблаговолите ли вы...

– Тпру! – Крикнула ей женщина словно лошади и тут же рассмеялась своей неказистой шутке. – Раз ты своими ногами сюда пришла, то уж всяко знаешь к кому. Хотя чего уж там, мне и без моего дара прекрасно видно, зачем двум молодым эльфийкам видеться среди ночи с такой грудой ветоши, как я. Что, не терпится суженым в глаза заглянуть, а? – рассмеялась она, игриво подмигнув.

– Если вы считаете, что мы тут для вашего увеселения, то приятного изгнания. Извините, что потревожили ваш вечный покой! – Перекрикивая смех прорицательницы, обратилась к ней Нера и, взяв подругу под руку, потащила её к выходу из пещеры, гневно шепча на ухо: – Я же говорила тебе, что лучше самим руны бросить, чем с этой сумасшедшей встречи искать!

– Постойте! – крикнула им вдогонку женщина и в голосе её будто бы послышалась мольба, – Не уходите так быстро... я, может, была с вами слишком уж груба. Но это только потому, что мне так редко встречается чья-то доброта, что я отвыкла от неё.

Эльфийки переглянулись и обернулись к ней, женщина подошла к ним ближе и стояла, заламывая руки и переступая с ноги на ногу. В измождённых чертах её лица и правда читалось сожаление и даже страх. Того, что незваные гости действительно возьмут и покинут её так скоро.

– Ты, – обрадовалась их задержке женщина и спешно подошла к Эрисин. Та, испугавшись такой прыти от безумной аданы, даже руку одёрнула, но затем нерешительно протянула её ей обратно. Взяв ладонь эльфийки в свою грязную паучью лапу с длинными чёрными ногтями, она невесомо провела заскорузлыми пальцами по нежной жемчужной коже и перевернула руку девушки ладонью вверх. – Ммм...

– Что? – не на шутку испугалась Эрисин.

– Милая девочка... эхх-э...

– Ну не молчите же! – начала выходить из себя Нерандиль, решив, что прорицательница не наглумилась над ними вдоволь, и вернула их только для того, чтобы ранить ещё больше.

– Тс-с-с! О тебе, дерзкая девчонка, позже скажу. А сейчас о подруге твоей будет моя речь.

Сказав это, она вдруг встрепенулась и откинула голову назад. Глаза прорицательницы закатились, явив молочно-белые белки, а сама она затряслась и страшно раззявила рот, захрипев, словно от нарастающего удушья. Эрисин испуганно оглянулась на подругу, но своей руки не одёрнула. Видно, получить предсказание ей хотелось куда больше, чем сбежать отсюда обратно, к родному дому да в тёплую постель.

– Милая девочка... дочка винодела и пряжи. Всегда сыта и обласкана, красивые платица, нежные шелка, ласкающие стройный стан... вижу, о ком поёт твоё сердце. О молодом светло-волосом охотнике, да... Он ли, или не он? Хм... хм... Вижу, как лежите вы вместе на толстой подушке из жёлтых листьев...

– Ой! – радостно воскликнула Эрисин, совершенно позабыв о страхе и тревоге, – Это он, это Бермендиль, Нера, ты слышишь! Он мой ишааль!

– ... и ты обнимаешь его холодную руку, а одежды на вас краснее закатных облаков.

– Это... это что-то значит? – спросила она озадаченно.

– Значит, да. – Уклончиво ответила прорицательница и, выпустив её руку, пошатнулась, но тут же отмахнулась от плеча, поставленного Нерой. Взгляд её снова стал прежним, пронзительно голубым. Помолчав мгновение, пристально глядя на притихшую Эрисин, женщина вдруг кинулась к ней, схватив её за руки и глаза её снова закатились за орбиты, став блее молока. – Если хочешь быть с ним, всё сбудется. Тебе нужно лишь пойти к нему... но тебе не стоит! Слышишь, девочка! Не ходи, не ходи к нему!

– Что это значит?! – едва не плача воскликнула перепуганная девушка.

– Отпустите её! Немедленно! – вступилась за подругу Нера, бросившись расцеплять руки сумасшедшей аданы. – Вы что, не видите, что пугаете её! Я же говорила, что не стоило нам сюда идти!

– А ты... – прохрипела прорицательница прямо в лицо Нерандиль, обдав её гнилостным духом, и тут же выпустила руки Эрисин, яростно вцепившись в запястья, – ты... ахах! Ха-ха-ха!

На женщину было страшно смотреть, она заливалась жутким, разрывающим смехом, который, казалось, причинял ей боль. Сумасшедшая адана хохотала сгибаясь пополам и белые глаза её при этом заливали слёзы.

– Пойдём скорее! – Нера схватила остоленевшую от ужаса Эрисин за руку и потянула вслед за собой к выходу.

– Постой, она ещё не сказала...

– Ты разве не видишь, она не в себе! Нет, не стоило нам сюда приходиться!

– Беги! – Исступлённо крикнула ей вслед прорицательница, продолжая захлёбываться жутким смехом. – Беги быстрее, а всё равно не убежишь от своего анарэна! Да! Найдёт, учует! Аха-ха! Да здравствует грязная кровь! Ура, грязной крови, во славу милостивой Лантишан! И Моанис больше не будет единственной грязной аданой Чернолесья!

Глава 3

"Дыханье затая, глядишь покорно.

Обезоружен,

Взглядом усмирён.

Зеленоглазой девой с нравом вздорным,

Не зная, что теперь,

Навеки ей пленён".

Эмендиль Лазурный "Изумрудная песнь"

перевод с эльфийского

– Ну, не молчи! – жалобно простонала Эрисин за спиной у Неры и потянула её за рукав платья. – Скажи, что я была неправа, что зря заставила тебя пойти. Что я глупая, легковёрная...

– И зачем что-то говорить, если ты и так всё знаешь. – Буркнула эльфийка, продолжая упрямо идти вперёд по тропинке вёдшей к оврагу и дальше к их родной деревне.

– Чтобы я знала, что ты на меня не дуешься.

– Я и не дуюсь.

– Оно и видно. – Язвительно фыркнула Эрисин и, прибавив шаг, поравнялась с девушкой. – Спасибо, что пошла со мной, я бы без тебя точно пропала.

– Ну, ещё бы. – Проворчала эльфийка, особо яростно хлестнув древком стрелы по перегородившему тропинку листу папоротника.

– Ты сильная, – продолжила лстыть Эрисин, надеясь таким нехитрым способом заглядеть свою вину, – я так и не научилась из лука стрелять, а ты ещё и нашим охотникам фору в меткости дашь. И как ты только не испугалась, когда она начала предсказывать!

– Ничего она не предсказывала. Разве ты не поняла, что она просто та, кем все её считают – сумасшедшая адана, совсем помешавшаяся на своём видении, которое не стоит и выеденного яйца. Мало ли что привидится, если питаться одним только мхом и сырой рыбой.

Эльфийки рассмеялись и тут же смущённо переглянулись – не очень-то и вежливо было шутить над чужим безумием.

– Жалко её. – Высказала общую мысль Эрисин. – Совсем одна там, ещё и отлучена от Фелиамэль Лантишан. Я бы наверно тоже с ума сошла. Пожалуй, Эвандоэле Мудрому стоило проявить к ней чуть больше милосердия.

– Думаю, он и проявил. – достаточно жёстко ответила Нерандиль. – И не только к ней, но и к другим эльфам. Ты разве не слышала, что когда Эвандоэле отказался провозгласить её сон пророческим, она не остановилась, а начала проповедовать всем, кого видела, да ещё и столько шуму на Фиамэль Лантишан навела, что этот скандал ещё до следующего обсуждали.

– Да, может она и сама виновата... но всё же мало ли до чего может довести безумие? Наверно следовало отправить её в Сонный Дол, быть может, там бы кто-то позаботился о ней...

– А ты не знаешь? Её и отправили. Но ты же видела, такую попробуй удержать. Она сбежала и опять взялась за своё и только после этого Мудрейший изгнал её. Ну, не запирайте же бедняжку, в самом деле, и уж точно не казнить. Поэтому как посмотреть, может это и была...

Нерандиль запнулась, так и не закончив своих слов. Её взгляд привлекло что-то в стороне от тропы и она встала на месте, пытаясь понять, что же она видит.

– Нера? Что-то случилось? – взволнованно спросила Эрисин, пытаясь понять, куда же смотрит её подруга.

Девушка подняла ладонь вверх, призывая её остаться на месте и не двигаться, а сама неслышно углубилась в заросли папоротника, устремляясь туда, куда вело её чутьё следопыта.

Ветки кустарников. Обломанные так, словно кто-то долго прятался среди них, а потом в один миг выскочил вперёд. И судя по огромным следам от тяжёлых сапог, оставленных во влажной земле, это был совсем не дикий зверь.

Хотя, как посмотреть.

Склонившись к поломанным веткам, Нера взяла одну и принюхалась. В её ноздри ударил запах костра, животного жира, металла и пережжённой полыни, смешанной с берёзовым углем и пчелиным воском. Этот набор ароматов она никогда не ощущала прежде, но прекрасно знала, что он означает.

Не чувствуя ног от страха, она вернулась к подруге и, схватив её за руку, заставила вместе с собой пригнуться к сырой земле, а после, взволнованно оглянувшись вокруг, прошептала ей в самое ухо.

– Эрисин, только ни звука, прошу. Здесь прошли бурвадеги.

– Что! – едва не закричала та, но вовремя сама зажала себе рот.

– Кажется, четверо, хотя там дальше тоже поломаны ветки, так что, может и больше. Они были здесь совсем недавно и схватили кого-то на этой тропе.

– О, милостивая Лантишан!

– Тише, тсс... если будем вести себя осторожно, нас не заметят. Может, они вообще уже ушли далеко отсюда.

– Надо скорее бежать в деревню!

– Не так быстро. Нужно убедиться, что мы не встретим их на пути, проследить, куда они пошли. Это может быть опасно. Пожалуй, тебе стоит подождать меня здесь.

– Нет-нет, не оставляй меня! – Вцепилась в её руку подруга, – Мне страшно, у меня же даже нет никакого оружия!

– Оно и не понадобится, если будешь тихо себя вести, а я вернусь сразу же, как только выйду на их след.

– Нет, Нера, я тут не останусь ни в коем случае! Я буду тихо себя вести, честно! А потом мы вместе отправимся в деревню.

Маленькие ручки Эрисин сжались на рукаве Неры, до боли стянув материю. По бесконечному ужасу во взгляде девушки было понятно, что она от своего точно не отступится.

– Ну, хорошо. – сдалась эльфийка, – Только слушай меня и ни звука. Если скажу бежать – беги, скажу не дышать...

– Молча задохнись. Всё что угодно, Нера, только не оставляй меня здесь! – тихо прохныкала Эрисин, глядя на неё с надеждой.

Следы бурвадегов петляли в зарослях в стороне от тропинки. Нерандиль видела капли крови на дереве, под которым их нашлось особенно много, там же валялся изломанный лук и колчан с рассыпанными вокруг него стрелами.

Рассмотрев следы, девушка углядела среди орочьих тяжёлых сапог едва заметные эльфийские. Должно быть, в засаду врагов угодили двое охотников, решившись отправиться за дичью пораньше и так некстати выбравших именно эту тропу.

Нерандиль бесшумно шла вперёд, высматривая неумелых налётчиков-бурвадегов, словно тараном прошедшихся по лесу, оставляя за собой сотни следов, поломанных веток и примятую траву.

Лес – был чуждой средой для дикарей, привыкших к открытым равнинам, бескрайним полям и голым скалам. Быть может, в своей стихии бурвадеги и были матёрыми разведчиками

и скрытными убийцами, но здесь, среди высоких деревьев, кустарников и влажной земли от обнаружения их спасал только фактор неожиданности – никто из эльфов даже в дурном сне предположить не мог, что орки заберутся так далеко от своей вотчины. Ведь зачем бы им это?

Справившись с эльфами, орки потащили их в сторону реки. Должно быть, там располагался их лагерь – подумав об этом, Нера оглянулась на Эрисин, но так ничего ей и не сказала. Ведь сделай она это, та непременно начала бы отговаривать её и тянуть обратно в деревню... но что толку пойти по следу и не настигнуть врага? Нерандиль нужно было увидеть неприятеля и собрать как можно больше сведений о нём, чтобы помочь своей деревне подавить это неожиданное нападение.

Шум реки уже был отчётливо слышен, хотя эльфийки ещё не видели её берега. Вдруг воздух впереди взорвался истошным криком боли и последовавшим за ним гортанным смехом. Наслаждаясь пытками пленников, орки ржали так, будто в жизни не слышали ничего смешнее.

Их было пятеро, как и предполагала Нера. Невероятно огромные и в высоту, и в ширину плеч, косматые, одетые в кожаные доспехи с кольчужными и броневыми вставками, мерцавшими в лунном свете так же ярко, как воды реки, беспечно бежавшей позади них.

Выйдя к берегу, девушки затаились в высокой траве, залегли в неё бесшумно и почти не дыша все обратились в слух и зрение.

Один из жутких бурвадегов, самый кряжистый и грузный, с совершенно безумной перекошенной мордой держал за ноги эльфа, перевернув его вниз головой. Лицо несчастного больше напоминало кровавое месиво, но по ярко-алому платку на шее, который теперь сложно было разглядеть на фоне пропитавшейся его кровью разодранной рубахи, Нера узнала в нём Йери, деревенского дурачка. Безобидного, но непроходимо глупого и к тому же за всю свою жизнь не сказавшего ни одного слова, кроме “ну” и “смотри-ка”. Вот и сейчас, висая вниз головой, он жалобно плакал, снова и снова повторяя:

– Ну... ну-у...

– Животные, – едва сдерживая слёзы, прошептала Эрисин и сжала кулаки, выдирая из земли мелкую сорную траву. – Нужно скорее бежать в деревню, собирать охотников, может, бедного Йейри ещё удастся спасти...

– Тсс! Смотри, кто это там. – Одёрнула её Нера, вглядываясь в берег реки за спинами бурвадегов.

И действительно, там было на что посмотреть. Худощавый эльф в тёмно-зелёной накидке неуверенно переступал с ноги на ногу, глядя на то, как орки мучат его соплеменника. Он что-то сказал самому рослому из убийц, но тот даже не повернулся к нему. Тогда эльф, явно боясь его до ужаса, обошёл великана, чтобы оказаться у того прямо перед глазами и вновь повторить свой вопрос:

– Гаррадра дур эрмур? Баракр э... – договорить он не успел, потому что орк-великан невероятно быстрым движением схватил его за горло и поднял ввысь, сдавив так, что тот мог лишь хрипеть и дёргать ногами.

– Бракар дур эрмур! – прорычал он ему прямо в лицо и отбросил от себя под ноги другим бурвадегам.

Тогда тот, самый низкий из орков, который держал за ноги Йейри, выхватил из-за пояса короткий нож и, прежде чем эльфийки, наблюдавшие за драмой, разворачивавшейся у реки, успели даже охнуть, всадил его в грудь несчастного дурачка по самую рукоять.

– Нера! Нера! Нар и мо аннан, нари... – “бежим скорее, бежим” взволнованно шептала Эрисин, дёргая Нерандиль за рукав и дрожа при этом всем телом. Дыхание испуганной девушки, горячее и прерывистое при этом щекотало ухо Нерандиль, возвращая её в реальный мир из пучины ужаса, охватившего следопытку только что увидевшую жестокую смерть соплеменника.

– Ш-ш-ш! – девушка вовремя опомнилась и попыталась призвать подругу к тишине. Их всё ещё могли услышать и тогда, кто знает, что станет с ними. Но Эрисин, потерявшая, казалось, рассудок от страха, всё не унималась. Тогда девушке пришлось грубо вырвать ткань своего платья из одеревеневших пальцев подруги и накрыть ладонью её рот.

Эрисин тихо захныкала, и заледеневшую руку Неры обожгли горячие слезинки.

– Прошу... пожалуйста... – прошептала перепуганная эльфийка, убирая от лица руку подруги, – нам нужно отправиться в деревню и всех предупредить. Мама, сестры... Нера, я сойду с ума, если мы останемся здесь!

– Молчи же! Эри, если будешь реветь, они нас точно услышат. Возьми себя в руки! Нам нужно проследить за ними, узнать хоть что-то полезное, а уже потом возвращаться. К тому же их уже мог засесть наш патруль, а если нет... то дело нечисто, и нам уж точно нужно воспользоваться своим преимуществом, прежде чем бежать в деревню. Этот эльф... его лицо мне незнакомо, но ты же слышала, он точно говорил на орочьем... как же странно...

Эрисин снова всхлипнула и уронила лицо в ладони, пытаясь подавить рвущиеся из груди всхлипы. А потом вдруг резко встала и побежала прочь от Неры, не позволив той схватить себя за юбку.

– Эри... Эрисин... – попыталась окликнуть её девушка, но эльфийка была уже слишком далеко, чтобы расслышать её взволнованный шёпот.

“Дурочка. Какая дурочка!” – подумала про себя Нерандиль и ниже прижалась к земле, вновь всматриваясь в берег реки, различимый меж деревьев и густого подлеска.

Глава 4

Прежде чем Эрисин доберётся до деревни, может случиться всё что угодно, ведь путь туда от этого места неблизкий. Но не стоило же ей говорить о том, что вполне возможно, что самое безопасное место для них сейчас – было здесь. Ведь не стоило? Теперь эльфийка уже не была в этом уверена, но правда состояла в том, что она сама боялась думать, что возвращаться в деревню им обоим было уже слишком поздно.

Что-то изменилось на берегу после того, как она отвлеклась на подругу. Эльф теперь стоял на коленях, неловко пятясь от медленно наступавшего на него великана. Он что-то причитал и непрестанно падал ниц перед ним, явно умоляя о пощаде. И на мгновение Нерандиль показалось, что он получит её, ведь великан склонился к нему и, словно благословляя, обхватил руками его голову. Но короткий и оглушительный щелчок, переломивший эльфу шею окончательно решил дело.

Тем временем орк, убивший Йейри, ногой подтолкнул тело несчастного к реке и теперь наблюдал, как быстрый поток уносит его, любовно вытирая лезвие своего ножа красным платком, раньше принадлежавшем бедняге. А остальные... не найдя их на пляже, Нера почувствовала, как страх до боли впился иглами в каждую клеточку её тела, и те завибрировали от предчувствия страшной опасности.

Наложив стрелу на тетиву, да на всякий случай взяв в руку ещё две, как учил её наставник, Нерандиль медленно попятилась назад. Почти не дыша, чтобы ни одному звуку не удалось укрыться от неё. Но тишина вокруг и так не была полной – бурвадеги были слишком самонадеянными противниками для тех, кто не знает лес как родную колыбель. Их специфический запах донёсся до эльфийки практически сразу, позволив определить направление и прицелиться. Удары собственного сердца будто отсчитывали для неё секунды до момента столкновения с опасностью, пока впереди не хрустнула ветка, закончив эту напряжённую пытку.

Нера выдохнула и пустила стрелу, не просто услышав, а практически почувствовав, как та с мерзким звуком прошила плоть. Один из орков упал замертво, навалившись на сухой куст терновника с жутким треском ломая ветки. Другой, крадущийся за ним следом, больше не стал таиться. Выхватив короткий топорик из-за пазухи, он с воплем кинулся к ней, сметая всё на своём пути. Казалось бы, мишень – проще некуда! Но ни первая, ни вторая стрела, выпущенная в бурвадега в упор, не достигла цели. От первой этот здоровенный грузный зверь отмахнулся, словно от назойливой мухи, а вторую отбил металлическим наручем, с лязгом погнувшегося от удара наконечника, отправив её куда-то в кусты.

Он был совсем близко и Нере больше ничего не оставалось, кроме как бежать прочь, бросившись в единственную возможную сторону – напрямиком на берег реки, где за разворачивающейся битвой наблюдали ещё двое бурвадегов.

– Каррара! – Завопил тот, который убил Йейри, едва она выскочила из высокой травы прямо под призрачный лунный свет. – Эрвейро дэ! – И с каким-то по-настоящему животным воплем бросился к ней наперерез.

Зажатая словно меж двух огней, Нера попятилась. Растерялась, пытаясь поймать в прицел то одну, то другую цель. Но оба они двигались слишком быстро и рвано, учтя ошибку товарища, так что ни одна из выпущенных ею стрел не достигла цели.

Ей не спастись – эта мысль пришла к эльфийке за мгновение до того, как тот бурвадег, который был ближе, замахнулся на неё своим топором, и она пустила стрелу в единственную мишень, всё ещё остававшуюся в тот момент неподвижной. В самого высокого орка, наблюдавшего за битвой со стороны. И тут случилось странное: вместо того чтобы нанести удар, один бурвадег бросился прямо под её стрелу, а другой – что-то отчаянно закричал. В следующий же миг ей показалось, что на неё упала не меньше чем гора. Орк, убивший Йейри, сшиб её с ног

и покатился следом, в стороны разбрасывая мелкую речную гальку, а потом вдруг завалился навзничь, страшно хрипя и хватая ртом воздух. Из толстой шеи страшилища торчал его же здоровенный нож.

– Миарэль эйн Йейри, ганабур ди эрвезёр! – Это тебе за Йейри, падали кусок! – Прорычала Нерандиль и быстро вскочила, желая собственной рукой добить уroda, прежде чем тот издохнет от потери крови, но сама едва удержалась на ногах.

Огромная рука загребла воздух у самого её лица и, вцепившись, сильно дёрнула на себя лук Неры, заставив девушку вскрикнуть от неожиданности, и попятиться. Если бы она не разжала в тот момент пальцы, то бурвадег уж точно бы вырвал их из её ладони вместе с оружием.

Теперь самый крупный из орков был к ней так близко, что эльфийка смогла рассмотреть его лучше: огромный, на голову или даже на две выше любого из мужчин её деревни, выше вообще любого мужчины, когда-либо увиденного ею! В плечах он был настолько широк, что это делало его мощную фигуру нереальной. Словно какой-то скульптор, желая польстить, сделал статую во много раз превосходящую размеры заказчика. Мышцы рук бугрились, лишь местами прикрытые рваными кольчужными рукавами. Чёткий змеистый рисунок вен, то утопал, то снова проявлялся под тёмными татуировками, изображавшими графичные браслеты на запястьях, предплечьях. На оливковой коже они казались тёмно-синими и словно поглощали свет – пожирала саму жизнь.

Так показалось Нерандиль.

Тело воина скрывал доспех из грубообработанной кожи, поверх которого кто-то белой известью нанёс чудные узоры. Но куда больше её внимание привлекли не эти руны, явно имевшие магическое значение, а лицо бурвадега, которое так близко она видела впервые.

Сморщенная, полуживотная рожа, с застывшим выражением ненависти в чертах, на самом деле оказалась... маской? Искусно сделанной, точно повторяющей форму лица орка маской, прикрепленной к шлему на его голове особыми скрытыми защёлками, которые издали было просто не рассмотреть. Однако из прорезей этой жуткой рожи на неё смотрели невероятно холодные голубые глаза, от взгляда в которых кровь переставала бежать по венам от ужаса и предчувствия скорой смерти.

– Рафрайраа? – прохрипело чудовище, сделав резкий и неотвратимый шаг в её сторону.

Нера отшатнулась и точно бы упала, если бы за её спиной не оказался широкий и тёплый ствол старой ивы, росшей у самого края берега и опускавшей свои длинные прутья в воды реки. Шершавая кора оцарапала пальцы, когда она оперлась на неё, а глаза сами собой зажмурились, когда в следующее мгновение бурвадег наклонился к самому её лицу и повторил это рычащее слово.

– Рафрайраа? Э?

Нет. Она не станет скулить, как тот подлый эльф и ползать на коленях у его ног, вымаливая пощаду. Она даже глаза закрывать больше не станет! Если всё равно ей суждено сегодня умереть, то Нера смело будет смотреть на это отребье, чтобы он знал, что сегодняшняя победа ничего ему не даст. Потому что убить одного эльфа, совсем не то же самое, что справиться с тысячами таких истинных детей леса, как она.

Раскрыв глаза и посмотрев на своего будущего убийцу жёстко и смело, она вдруг услышала сдавленный, прерывистый хрип.

Он смеялся? Должно быть, так... но из-за этой дурацкой маски, искажавшей звук, было сложно понять. Но вдруг случилось что-то уж совсем невероятное – хрипелое рычание, которое издавал бурвадег вдруг стало ей понятно:

– Ты одна? – спросил орк, жутко коверкая высший слог. – Ещё эльфишки есть с тобой?

Грудь Неры тяжело вздымалась, а взгляд забегал, но по одним только ледяным глазам в прорезях маски было сложно хоть что-то понять о том, что было на уме у этого грязного ублюдка.

– Майори он на катри, амани ле шанэйман до отри... – “закрой свой поганый рот, мои уши вянут слышать как...” скривившись от невыносимой гадливости, выпалила эльфийка, но тут же захрипела, вынужденно впившись пальцами в огромную лапищу, сдавившую её горло и приподнявшую девушку над землёй.

До чего же маленькими сейчас казались её руки, изо всех сил впивавшиеся крохотными ноготками в грубую оливковую кожу его пальцев.

Бурвадег снова расхохотался. Его явно веселило то, как комично она задёргалась, бестолково семеня ножками в воздухе. На мгновение он даже прикрыл глаза, но только этого Нера и было нужно. Занеся руку над своей головой, эльфийка дёрнула из колчана за спиной стрелу, а затем, крутанув её древко меж пальцев и плотно сжав его в кулаке, со всей силы вогнала остриё туда, куда смогла дотянуться. В оголённое предплечье бурвадега.

Тот дёрнулся от неожиданности и зашипел на неё, но руки не разжал. Только тряхнул эльфийку и с силой ударил спиной об ствол ивы, выбив на мгновение из охотницы весь дух, да заставив острые листья посыпаться на них сверху водопадом.

– Не делай больше так. – Тяжело выговаривая слова, процедил он сквозь зубы и, не сводя с неё убийственного взгляда, свободной рукой прокрутил стрелу в неглубокой ране и выдернул её даже не моргнув.

Хватая ртом воздух, Нера проследила за этими действиями, отметив, как из раны следом за стрелой вытекла жалкая струйка тёмно-бордовой крови, но на этом всё. А ведь сколько разговоров было среди молодых охотников об этом миге! Сколько мыслей передумано о том, как она сама впервые пустит кровь грязному убийце-орку во имя священной мести детей Лантишан!

– Манибас... отпусти... – прохрипела она неожиданно для себя, чувствуя, как сознание начало покидать её, вместе с остатками воздуха в лёгких. – Мне нечем дышать.

И совершенно неожиданно, бурвадег послушался её и разжал руку, позволив эльфийке упасть к своим ногам, заходясь в безудержном кашле.

Давясь и хрипя, Нера всё же подняла на него взгляд, ведь дала себе слово не закрывать глаз перед ликом смерти. А орк вдруг как-то странно фыркнул, будто бы даже одобрительно, и, поднеся обе руки к шлему, чем-то щёлкнул на нём, отсоединяя свою жуткую маску.

Нера внутренне сжалась, ожидая увидеть мерзкое, изуродованное гримасой ненависти лицо полужверя, но едва не охнула от удивления, ведь не ожидала, что оно окажется таким... красивым.

Разумеется, по-своему и уж точно совершенно не эльфийской красотой. Черты орка не были изящны и тонки, а совсем наоборот. Его внешность была совершенной противоположностью эльфийской: тяжёлая челюсть, низкие скулы, создававшие глубокие впалые ямки на щеках, прямой, словно в граните высеченный нос, тёмные, кустистые брови, нависающие над живыми, холодившими чистейшим льдом глазами. Образ какой-то дикой, противоречивой красоты дополняли мясистые, ярко очерченные губы и белые клыки, слегка выступавшие над верхней из них. Слово у дикого кабана, только во много раз меньше.

Нерандиль снова начала задыхаться, но теперь уже не из-за руки, передавившей горло, а совсем по другой причине. Её тело словно на миг перестало слушаться – сердце в груди забилося так часто, как не заходило в самые жуткие и опасные минуты её жизни, к лицу прилила краска, а глаза защищало от слёз... но ей хотелось плакать не от страха. К своему ужасу, Нерандиль поняла, что испытывает... радость? Это ни с чем не сравнимое чувство лёгкости и парения, когда принимаешь благословение богини Лантишан. Чувствуешь её благодать и

любовь, наполняющую твоё тело теплом и силой, отдающиеся лёгким покалыванием в кончиках пальцев.

Он, не отводя взгляд, смотрел на неё сверху вниз, а потом вдруг медленно опустился на одно колено, пригнувшись, чтобы оказаться с эльфийкой на одном уровне.

– Арана... – прошептал он что-то на своём наречии и вдруг поднёс огромную руку к её лицу, заставив эльфийку в ужасе отпрянуть в сторону.

Но бурвадег словно и не заметил этого – наклонившись чуть вперёд, он одним пальцем убрал соломенный локон от её лица и склонил свою косматую голову набок, явно разглядывая.

– Ты сложила оружие?

– Ч-что? – не поверила своим ушам Нера. – Я что?

Переспросила и бросила взгляд за широкую спину орка. Где-то там, отброшенный в высокую траву, лежал её лук. Или то, что от него осталось, если учесть, с какой силой бурвадег вырвал его из её руки.

– Говорю, сдалась? Или станем драться ещё?

От жуткого акцента этого дикаря резало слух, но говорил он вполне сносно и вряд ли путал слова. Просто смысл его слов был ей совершенно неясен. Ведь зачем спрашивать, сдалась ли она, если сам всего мгновение назад оставил её без оружия? Или что же, он пытается узнать, станет ли она сопротивляться, если ему вздумается оставить её в живых? Но это тем более был глупый вопрос, во-первых, потому что она никогда не перестанет сопротивляться, даже если окажется связанной, парализованной или всё вместе. А во-вторых, потому что бурвадеги – налётчики, жестокие убийцы, и всем известно, что они никогда не берут пленных.

– Почему спрашиваешь? – спросила Нера, дерзко вздёрнув нос. – Боишься проиграть? Может мне тебя ещё предупредить перед тем, как удар исподтишка нанести?

Орк посмотрел на неё странно, будто на самую последнюю дуру, и пожал плечами, снисходительным тоном сообщив:

– Хочешь драться – будем драться. – А потом добавил что-то уж совершенно непонятное. – Всё равно будешь моя.

Нера успела только вскрикнуть, когда, сказав это, орк резко схватил её за руку и дёрнул на себя, впечатав эльфийку в свою грудь, точно в каменную стену. Огромная лапища прижала её к нему так, что Нера не могла и шелохнуться, пока другая с треском дёрнула в сторону ворот лёгкого платья, разрывая его от плеча до пояса, одним махом оголяя маленькую, вздёрнутую грудь с тугой горошиной розового соска.

Глава 5

Увидев это, Нерандиль вскрикнула от ужаса и стала биться в каменных руках орка, словно маленькая рыбка, выброшенная на берег. Но разве могла она хоть что-то противопоставить силе этого великана, чья толстая оливковая кожа была невосприимчива к магии?

Упираясь в мощные плечи руками, эльфийка прошептала заклятье, заставившее листья вихрем взвиться с земли. Зачарованный вихрь набирал обороты, закручиваясь вокруг их сцепленных тел, вырывая клочья травы из земли вместе с кусками почвы и мелкими камнями. Всё это кружилось и выло, хлестая неприятеля по оголённой коже, норовя попасть в глаза, рот и ноздри – заставить бурвадега ослепнуть, оглохнуть и, наконец, выпустить её из своих цепких лап хоть на мгновение. Вот всё, чего Нера пыталась добиться этим нехитрым заклинанием.

Но куда уж ей было до толстокожего орка. Тот только прорычал что-то на своём наречии, явно раздосадованный такой магической помехой своим планам, а после, высвободив одну из рук, сорвал со своего пояса какой-то маленький мешочек и швырнул под ноги.

Он разорвался с лёгким хлопком, стоило орку наступить на него, и в воздух, гонимые магическим вихрем, поднялись тёмные мерцающие частицы какого-то порошка. Их было так много, что на секунду даже свет скрылся от глаз кровных врагов, а в следующее же мгновение вихрь стих, растеряв весь магический запал.

– Что? – закашлявшись от горького порошка, прохрипела Нера, чувствуя, как магическая сила буквально истекает сквозь её пальцы, уходя в землю – Что ты сделал?

Бурвадег рассмеялся и распепил руки, позволив девушке упасть в невысокую траву у своих ног. Возвышаясь над ней, в миг ослабшей и неспособной видеть ничего дальше пары шагов из-за порошка, попавшего не только в нос и рот, но даже засыпавшего веки, он схватился за пряжку своего ремня и принялся неторопливо расстёгивать его, глядя на поверженную эльфийку.

– У меня свои фокусы, Арана.

– Отойди от меня, слышишь! – завопила она, замирая от ужаса, – Лучше просто убей! Как хочешь убей, только не так... – прошептала Нера, смотря снизу вверх на нависшую над ней огромную фигуру.

Бряд ли он хоть что-либо знал о севори ишааль – единении половин и том, что ни одна эльфийка не может возлечь с тем, кто не предназначен ей пресветлой богиней Лантишан.

– Убить? – нахмурился орк и медленно опустился перед сжавшейся эльфийкой, выставившей вперёд руку, будто та могла защитить её от него, – Ты моя Арана, нутратак дур марабрак. Я не хочу тебя убить. – Сказал тише и вдруг схватил руку Неры и жадно припал к своим полным губам, прикрыв глаза, от удовольствия.

Это было так пошло и так... возбуждающе, что Нерандиль даже не смогла заставить себя зажмуриться, отвернуться чтобы не видеть, с какой животной страстью он припал к её руке. Всё это происходило словно не с ней, а с какой-то другой девушкой и притом явно не эльфийской крови. Ведь чтобы истинный потомок пресветлой богини Лантишан позволила грязному орку прикоснуться к себе не в бою, а после даже не скривилась от отвращения – это было немислимо!

Большая ладонь медленно опустилась в траву возле её талии и с хрустом придавила зелёные стебельки к земле. Орк надвинулся над ней, словно подавляя волю своей природной мощью, гипнотизируя своими ледяными, затягивающимися, будто омуты глазами. Или, может быть, дело было вовсе не в нём, а в том странном порошке, которым он нейтрализовал магию и ослабил эльфийку.

Нера замерла не в силах даже отвести от него взгляд. Внезапно она поймала себя на мысли, что ей хочется разглядывать его, узнать каждую чёрточку волевого лица, но что хуже в

тысячу тысяч раз – хочется протянуть руку вперёд и узнать, каковы на ощупь длинные чёрные волосы орка, спускавшиеся ему до самых плеч, и горяча ли его оливковая кожа.

– А теперь? – спросил он тихим, каким-то обволакивающим голосом, словно отдававшимся в самом её сердце и вибрировавшим в её собственных лёгких, – всё ещё хочешь драться?

То ли запас обидных слов и остроумия иссяк на языке у Неры, то ли просто в горле пересохло от волнения, но всё, что она смогла сделать в ответ на это – приоткрыть рот и прохрипеть жалкое “нет”.

В ответ на это орк словно с цепи сорвался – его горячие, полные губы ударились в её и захватили их, сметая всякое сопротивление. Мужчина жадно впился в её рот поцелуем, таким страстным и беспощадным, что Нера не смогла удержаться и рухнула в траву, увлекая за собой орка. Его язык скользнул меж её губ и нежно прошёлся по нёбу девушки, заставив её дрожать и задыхаться от накативших ранее неизведанных чувств – сумасшедшего возбуждения, от которого в один миг закружилась голова и что-то стало сладко ныть между ног.

Большая горячая ладонь с неожиданной нежностью скользнула по её обнажённой коже, сжимая в пригоршню маленькую грудь, двумя пальцами сдавливая тугую горошину розового соска. Причиняя сладкое наслаждение, заставившее непроизвольно свести ноги вместе, сжать их, в попытке унять это странное, ноющее ощущение. Но оно только стало острее.

Бурвадег что-то прорычал ей в губы и вдруг опустил руку ниже, достаточно резко разведя её ноги в стороны и снова нежно скользнув пальцами по внутренней стороне бедра, одновременно поднимая ногу Неры чуть выше.

Дрожа и задыхаясь не то от ощущений, не то от осознания происходящего, девушка жалобно всхлипнула и отстранилась, высвобождаясь из власти этого развратного поцелуя.

– Не надо... – прошептала она, едва касаясь губами его губ.

Его горячее дыхание обжигало её лицо и девушке пришлось открыть глаза, чтобы снова заглянуть в его ледяные омуты глаз. Теперь в них плясали яркие огоньки. Не сводя с неё взгляда, орк поднял руку чуть выше по её бедру, пальцами коснувшись там, где никто и никогда её не касался и эльфийка охнула, ощутив его прикосновение, словно сотни маленьких электрических разрядов, прошедших по обнажённой плоти.

– Эльфийки тоже истекают соком для своих Арандов, да? – сказал он скорее утвердительно, с усмешкой констатируя факт. – Ты такая мелкая... хорошо что такая влажная...

С этими словами он склонился к её шее, жадно прикусив нежную кожу, и принялся яростно срывать с неё остатки одежды. Новое платье из благородной ткани рвалось с задорным треском древней ветоши, заставляя Неру вздрагивать при каждом звуке. От ужаса и охвативших её совершенно противоречивых, неправильных желаний. Она хотела остановить его, вцепиться острыми ноготками в горячую оливковую кожу, но вместо этого только сжимала её, притягивая к себе, и тайно наслаждалась тем, как упруги мышцы под ней.

Когда между ними не осталось одежды, орк слегка навалился на неё, вдавливая в землю, но удерживая собственный вес на одной из рук, а другую снова завёл меж её бёдер и стал большим пальцем поглаживать нежную кожу, задевая особо чувствительное место и заставляя её взволнованно и рвано выдыхать от каждого такого касания.

– Хорошо? – спросил он хрипло.

Рот мужчины слегка приоткрылся, демонстрируя небольшие белые клыки. Его взгляд был устремлён к её губам, словно орк не желал пропустить ни единого её вдоха и прочитать в их дрожании любое слово, ещё до того как оно с них сорвётся.

Средний палец орка, описав медленный круг вдоль её губ неторопливо погрузился меж них, скользя по коже, источающей влагу от возбуждения.

Едва сохраняя рассудок от происходящего здесь и сейчас, Нера порывисто вздохнула и, прикусив губу, закрыла глаза, чтобы просто не видеть его. Её лицо горело от прилившей к нему

краски. Это было стыдно, пошло, грязно, но в то же время так невозможно прекрасно, что она просто не могла... нет, не могла заставить себя снова сопротивляться своему пленителю.

Словно прочтя эти муки в чертах её лица, бурвадег хрипло рассмеялся в её губы и скользнул по ним горячим, влажным языком. Причмокнул, словно попробовал на вкус, и в тот же миг погрузил в неё палец до упора, наслаждаясь тем, как эльфийка с шумным вздохом выгнулась ему навстречу.

– Такая тесная, я не хочу сделать тебе больно больше чем нужно, – прошептал он ей в губы.

– Хватит... – простонала Нера, чувствуя, что это странное ноющее чувство внизу её живота, начало причинять не столько удовольствие, сколько боль от неразрешимых противоречий. – Мне отвратителен... эльфийский из твоих уст... молчи!

Всё, о чём она могла думать, так это о его большой горячей руке, ласкавшей её между ног и том, что для того чтобы унять это невыносимое ноющее ощущение, нужен был совсем не палец. А что-то куда больше.

Сгорая от стыда и ненависти к себе, она сама подалась к нему бёдрами, заставляя войти глубже, так чтобы нежной кожей потереться о шершавые костяшки пальцев воина и орк задрожал в ответ на такую явную демонстрацию желания.

Нера разочарованно всхлипнула, когда он вдруг быстро убрал руку, но тут же следом что-то горячее и тяжёлое коснулось её бедра. Эльфийка, сама того не желая, опустила взгляд ниже. Приспустив штаны на колени, орк высвободил из-за плотной ткани свой мужской орган и, сжав у основания, провёл его толстой мясистой головкой по нежной коже её бедра.

Нерандиль сдавленно всхлипнула и неосознанно отстранилась, впечатлившись открывшимся видом. Член орка был действительно огромным, под стать размерам своего хозяина. Уже у основания и немного расширяющийся к середине, с чётким рисунком выпуклых вен на поблескивающей болотно-зелёной коже, которая была намного темнее оливкового оттенка на руках или лице. Большая, набухшая головка и вовсе казалась чёрной от прилившей к ней крови, заставлявшей это огромное мужское достоинство мелко подрагивать в такт учатившегося сердцебиения хозяина.

– Да, – хрипло рассмеялся он, – не для эльфишек размер. Даже наши женщины со вступленья во взрослый возраст начинают готовиться к встрече с Арандом. Играют с собой. Страсть так велика, что можно навредить. Может и нам стоит немного подождать? – С этими словами он слегка качнулся вперёд приблизив свой огромный член прямо к её губам и, скользнул по ним горячей упругой головкой, надавливая. Вверх, вниз и снова вверх.

Нерандиль шумно выдохнула, ощутив яркий прилив дрожи и мурашек, тряхнувший все её тело и внизу живота снова зануло. Это сильное чувство, будто все мышцы у неё внутри натянулись до предела, заставило её толкнуться ему навстречу, подведя головку орочьего члена к самому заветному входу.

Упёршись в тугую влажную кожу, бурвадег шумно выдохнул и сдавил свой член у основания ещё сильнее, словно пытаясь сдержать себя. Он медленно надавил им на неё, кусая губы от ощущения того, как толстая головка упирается в мягкую, розовую плоть, а Нера всхлипнула, почувствовав, что уже оказалась на границе между болью и наслаждением.

– Нет, не сейчас, – мучительно простонал орк и слегка отстранился от неё, тут же накрыв рукой её нежную плоть. Плавно скользя по сокам, которыми она истекала на его руку, он ввёл вначале один палец, а потом добавил к нему второй, не прекращая тереть чувствительную точку шершавой подушечкой большого пальца. – Но и не потом...

С этими словами он ускорил плавные движения пальцев, заставив Неру жалобно всхлипнуть и откинуться в траву из-за целой лавины ощущений, стремительно накатовавшей на неё. Его рука скользила по её нежной коже, причиняя невыносимое удовольствие. Невыносимое,

потому что как бы ни старалась, как бы стыдно ей ни было, эльфийка больше не могла сдерживать стонов наслаждения, рвавшихся из её часто вздымающейся обнажённой груди.

Не сводя с неё затуманенного страстью взгляда, бурвадег прикусил губу и прильнул к коже у её острого ушка, дыша громко, с наслаждением и жадностью втягивая ее аромат. Он что-то шептал ей на своём грубом наречии, но в эту минуту, когда весь мир Неры захлестнули неиспытанные ранее эмоции, звуки его речи не резали слух, а казались тихим рокотом большого лесного кота, лапшащегося к ней, как к любимой хозяйке.

– Арана... – прошептал он, хватая губами её губы.

И в этот самый момент эльфийку захлестнула лавина чувственных ощущений, дрожью, прострелившей всё тело от той самой чувствительной точки, которую так умело ласкали его пальцы. Нерандиль на мгновение словно забыла, как дышать, и задохнулась от сумасшедшего восторга, порождённого тем, чего никогда не было и не могло быть... между эльфийкой и орком.

– Лантишаннан о севори ишаальэн... – произнесла она одними губами, зажмурившись от того, что глаза обожгло горячими солёными слезами. И девушке на мгновение показалось, что она сейчас же умрёт на этом самом месте, поражённая гневом Лантишан за такое богохульство. Ведь её слёзы были вовсе не от стыда или бессилия.

Ощущая, как пленённая девушка дрожит в его руках, бурвадег лишь сильнее прижался к ней и, высвободив пальцы из её лона, покрытые её влагой, схватился за свой член и в два сильных коротких движения по нему, излился на ее кожу.

Глава 6

*"Вперёд сквозь темнь,
Пройдёшь, дрожа в метели,
Лишь для того,
Чтоб нежный тронуть лик!
Чрез боль и страх,
Что в сердце зачерствели,
Сорвёшь оковы,
Мнения других."
Эмендиль Лазурный "Изумрудная песнь"
перевод с эльфийского*

Тяжело быть младшим сыном великого вождя. Все ждут от тебя не меньшего величия и храбрости, чем от отца и старших братьев. При том что те будут яростно оберегать свой высокий статус и близость к наследственной власти. До такой степени, что прояви ты себя хоть в чём-то лучше них, в твоём вине запросто может оказаться смертельный яд, а в боку кинжал, вогнанный так искусно, что ты не сможешь ни встать, ни закричать и просто истечёшь кровью в каком-нибудь тёмном углу, потеряв сознание от боли.

Но как оказалось, куда тяжелее в одночасье стать единственным сыном великого вождя. Наследником, на чьи плечи лёг груз ответственности за многочисленное племя, орков, на которого теперь смотрят не только с надеждой, но и с подозрением.

– А если не сдюжит? Ох, худо нам всем придётся...

– Я слышала он трус и вообще не чета своим братьям. Поговаривают, что Моркраг по пьяни прижил его от какой-то потаскушки с Мёртвых Пустошей, а та и подохла в родах, такая была слабая.

– Говорят, вождь даже не хотел признавать его, но жрецы велели ему сделать это. О, мудрейшие... они знали, что всё сложится так и позаботились о нас!

– И в чём же их забота? Уж лучше бы Аргур остался у власти – вот истинно достойный орк!

– Ох, закрой пасть, дурья твоя башка! Всем известно, что у Аргура после зимнего похода на замок дракона, владетеля Асприйских гор, нет и не может быть детей. Ты что же, хочешь оставить нас без вождя первой крови? Как по мне, так уж лучше сын потаскухи из Мёртвых Пустошей с каплей крови рода Дурмад, чем хрен безродный вроде тебя!

– А-ха-ха!

– Н-да... твоя правда.

И такие разговоры можно было услышать, куда ни пойдешь! Но глупо было даже пытаться затыкать глотки всем и каждому по отдельности, пусть даже Ульд и мог это сделать на раз – силы в его могучих руках было не меньше, чем у любого из его братьев или даже отца. Раз и навсегда закончить злые толки могли только дела, по храбрости и безрассудству достойные его великих предков.

– Позволь мне говорить с ними, дядя! – горячо воскликнул Ульд, без спроса и приглашения вбежав в палатку Аргура.

Младший брат отца управлялся с делами, пока наследник не войдёт в нужный возраст. Сильный, мудрый, на прочность проверенный в сотне битв, он был достойным и даже врагами почитаемым орком. Пожалуй, если бы не бездетность, которой за что-то наказали его боги, Аргур мог бы запросто занять место вождя в обход обычаев. Но, как уже говорилось, он был

мудрым воином. Умел думать наперёд и любил родное племя, а потому свои амбиции заботили его куда меньше будущего всех орков Облачной долины.

– И что бы ты им сказал?

Ульд раздражённо откинул от лица непослушные тёмные волосы и приблизился к Аргуру, совершенно не обращая внимание на карчакаров-генералов, собравшихся вокруг его дяди. В странных ледяных глазах молодого орка, совершенно нетипичных для представителей его породы, горело настоящее синее пламя.

– Я соберу храбрых воинов и пойду громить посты остроухих у Чернолесья! Мне пора отомстить за смерть отца и братьев! Я не могу больше ждать!

Трое карчакаров, собравшихся вокруг стола с картами местности в центре палатки, усмехнулись такой глупой дерзости, но Аргур одним только тяжёлым взглядом пресёк всякое веселье.

– Что ж, – сказал даже без намёка на издёвку, глядя на юного и ещё совсем тощего племянника, – пожалуй, помимо тебя найдётся ещё пара-тройка дураков. Да только хм... громить посты? Не слишком ли мелкая месть для наследника первой крови?

Ульд приосанился, хватая ртом воздух, но не находя слов, чтобы ответить на оскорбление, которым, в общем-то, слова дяди и не были. Зелёная кожа юноши посинела от гнева, потому что, в отличие от белокожих представителей других рас, орки не краснели в минуты раздражения, а именно что становились синими, иногда и до самой черноты, если возмущение их достигало предела душевных сил. Так как это сейчас было с молодым Ульдом.

– Вот что, юноша, – сказал Аргур, выйдя к нему из-за большого дубового стола и примирительно положил большую руку на хрупкое плечо мальчишки, – это хорошо, что в твоей крови столько огня. Не растеряй его, пока будешь расти. И всё же всему в этом мире есть своё время. Ведь ты хочешь отомстить за смерть нашей родни, а не стать ещё одним камнем на пепелище предков, так?

Ульд не нашёлся что ответить на это, но взгляда не опустил. Внутри него боролись два сильных чувства – желание действовать, проявить себя, показать всем, что он достоин памяти своего отца и братьев, но в то же время осознание того, что как бы они ему ни были противны, дядя, в общем-то, говорил правильные слова.

– Каким сильным и умелым воином был твой отец... и братья твои были ему под стать! А всё же мы-то с тобой знаем, что храбрость, порой, им заменяла ум. Если бы Моркраг не решил оружием ответить на оскорбление остроухих, был бы сейчас жив. Я говорил ему, что для того, чтобы надрать зад Эвандоэле одного лишь клана Облачной долины мало. Нужно собрать всех орков, или большого боя не получится. Но он был слишком горд, решил что остроухий король лично явится к нему навстречу. Вот только мы оба знаем, чем это кончилось. А ведь мог бы тихо – мирно покрошить одну остроухую деревню-другую, Эвандоэле бы сюда никогда не сунулся. Эльфы ведь без своих деревьев – ничто. Они не умеют сражаться на открытых пространствах и их однорогие лошади с ума сходят от вида бескрайних полей и горизонта у кромки неба. – Рассмеялся Аргур и примирительно взъерошил непослушные тёмные волосы племянника. – Вот что. Отомстить остроухим – твоё право. Если это придаст тебе сил, думай о мести, но не забывай, почему ты там, где ты есть. Ты наследник Облачной долины, не я. Это тебе вести за собой всех этих орков, которые сейчас злословят за твоей спиной. Но ты должен понять, что всё это они не со зла, ведь они просто не знают тебя. Боятся, что ты не сможешь стать им достойным правителем. Так почему бы тебе вперёд мести не доказать им обратное? Стань сильным и умелым воином Ульд и, вот увидишь, тебе не понадобится моё разрешение, чтобы говорить с ними. Тебе и вовсе не придётся с ними говорить – они сами пойдут за тобой без слов, куда бы ты ни отправился, и будут умирать за тебя с улыбкой на устах. Ведь это в твоих венах течёт первая кровь и тебе по праву принадлежит место отца.

Аргур Дурмад был действительно мудрым орком. И Ульд за время своего взросления убеждался в этом не раз, когда тому удавалось одним лишь правильным словом усмирять его пылкий нрав, непременно доставшийся от отца, и устремлять его неисчерпаемые силы в нужное русло – к обучению, тренировкам и правильным делам.

И всё же настало время и для занесённой вековой пылью, но незабытой мести.

Ульду на тот момент шёл уже сто десятый год и он по всем правилам мог занять место вождя клана Облачной долины, но не торопился. Потому что к тому времени стал не только сильнее, но и во много раз умнее, чем в тот день, когда вломился в дядин шатёр.

В отличие от Аргура, к нему, хоть и приобретшему некоторую долю уважения у орков долины, всё ещё относились с подозрением и осторожностью. Ульд понимал, что ему прежде нужно заслужить любовь своих соплеменников, а сделать это можно было только совершив что-то из ряда вон выходящее.

И случай представился, когда на границе с Аграрским ущельем остроухие захватили орочий караван, шедший из Переспейских лугов к Облачной долине.

Захватили, разграбили и убили по меньшей мере с десятков орков, вспоров тем животы и подвесив на большом дубе, росшем на вершине холма, служившем границей между ущельем и землями его клана.

Такое нельзя было прощать и, как и говорил дядя, Ульду даже не пришлось собирать и увещевать толпу – едва орк высказал своё пожелание отправиться к ближайшей эльфийской деревне, охотники которой, без сомнения, и были повинны в этом кровавом убийстве, к нему на помощь вызвались два десятка воинов-бурвадегов и ещё два пришлось отсеять. Ведь те были не старше, чем он сам, в тот день, когда явился к дяде, взывать к неотвратимой мести.

Этот поход был странным от начала и до самого конца.

Дело в том, что всё изначально шло уж слишком гладко, хотя, возможно, это и объяснялось хорошей подготовкой. Люди дяди нашли ему эльфа-языка, который вроде как и не жил в той деревне, но по его заверениям очень часто там бывал, а значит, знал все входы и выходы, а также расположение и время смены охранных постов. За свои услуги предатель хотел немало, но что с того, если никто не собирался платить ему обговорённую цену? Ведь орки никогда не имеют никаких дел с предателями, тем более с остроухими. Потому что, если у тех совести хватило предать однажды – хватит и дважды.

Разделившись на отряды по четыре-пять бурвадегов, они пересекли реку Кер, отделявшую их земли, от земель эльфов и устремились вглубь владений неприятеля. К слову, информация, предоставленная эльфом, оказалась хоть и верной, но совершенно лишней.

Остроухие, видно настолько расслабившиеся и охамевшие от собственной безнаказанности, на ночь выставляли всего один патруль и тот из двух тощих охотников, которые даже в цель били не с первой стрелы. Сняв постовых у ворот и войдя в деревню среди ночи так тихо, что никто даже не заподозрил неладного, бурвадеги застыли как вкопанные, поражённые варварством и жестокостью остроухих, ведь черепами их собратьев те украсили помост глашатая на главной и единственной площади этого поселения. Головы десяти орков, среди которых были женщины и дети, остроухие насадили на копыя и выставили по периметру, будто свидетельство собственного превосходства.

Узрев такое зверство, Ульд не стал ни в чём ограничивать бурвадегов, предоставив им полную свободу действий. Но самому ему, как выяснилось, кровь, насилие и крики не доставляли никакого удовольствия. И даже наоборот, отчего-то заставили что-то чёрное всколыхнуться в душе, а после заволокли мысли дурнопахнущей вязкой трясиной.

На самом деле орк знал в чём причина такой печали, но упрямо гнал от себя эти мысли. Ведь он был не простым орком, а бурвадегом, да ещё и будущим вождём племени! Узнай хоть кто-то, что в тот миг творилось в его душе, смог бы тем самым посеять в умах представителей

клана такое зерно сомнения, которое в короткий срок заколосилось бы на податливой почве и переросло в настоящий бунт против него!

Потому Ульд решил просто уйти прочь из деревни, в которой оставалось лишь ждать окончания расправы над жителями и грабежа. На его удачу кто-то из бурвадегов заметил беглеца и он, взяв с собой троих самых верных бойцов, отправился по следу.

Но и тут всё оказалось скучно и просто. Сбежавшим был какой-то блаженный дурачок. Его они схватили на половине пути, который вёл к огромному оврагу и безжизненной, поеденной большим лесным пожаром долине. Быть может, эльф надеялся спрятаться там? Нет, навряд ли. Скорее, просто бежал куда глаза глядят, не разбирая дороги от ужаса.

Когда Оргри выбивал из него дух, искренне полагая, что остроухий только строит из себя полоумного, Ульд предпочёл остаться в стороне. Но когда эльф-язык, невесть зачём увязавшийся вслед за ними, позволил себе наглость поторопить его с платой за услугу, не сдержал гнев, и впервые в жизни замарал руки убийством безоружного.

Свернув шею эльфу, всего на краткий миг, но Ульд всё же почувствовал облегчение. Словно, убив предателя, в какой-то мере очистил свою совесть перед теми, кто сейчас умирал в эльфийской деревне. Но ещё мгновение спустя, орка едва не скрутило от невыносимой гадливости и злости на себя. Ведь разве это не глупость, испытывать стыд за справедливую месть тем, кто не задумываясь убивал орков его племени, невзирая на возраст и немощь? И ещё хуже! Разве не слабость, когда будущий вождь клана позволяет себе такие мысли, защищая свой народ?

Но дальше всё стало ещё хуже, ведь покой в душе Ульда окончательно разрушила она. Не появившись однажды, как он ждал, в лучах тёплого утреннего солнца, с цветами в длинных волосах и искрами радости в невозможно прекрасных глазах, а выкатившись из колючих кустов терновника на мертвенный лунный свет. Исцарапанная, со страхом и лютой ненавистью в диком взгляде, чужая... но всё-таки его предначертанная.

Арана.

Глава 7

По орочьему обычаю, встретив истинную пару, её надлежало взять сразу. Разумеется, предварительно, для приличия, померившись с нею силами. Не только для того чтобы заявить свои права на свою женщину, но и чтобы с ума не сойти от той животной страсти, которая всегда наполняет предначертанных, едва они встретятся лицом к лицу.

Ничего постыдного в этом, разумеется, нет. Нравы орочьих племён в отношении плотской любви между соплеменниками всегда были весьма свободными, а судьбоносные встречи, что поделаться, порой случались в самое неудобное для этого время.

Уж судьба ждать не умеет!

Например, Аргур, дядя Ульда, выпив изрядно бродянки, каждый раз ударялся в воспоминания о том, как встретил свою ненаглядную Сендиль. Эта история была из тех, которые и мимо ушей не пропустишь, и слушать так стыдно, что аж искры из глаз! Хотя Ульду порой, казалось, что из всех вокруг стыдно её слушать было только ему. А остальным почти наверняка было в радость ещё раз поохотать над сим действием, расписанным в красках и с самыми похабными подробностями, каждый раз становящимися всё краше и краше.

Молодой орк часто представлял себе, как бы сам поступил, если бы, как и дядя, встретил свою наречённую на похоронах её отца. И всякий раз думал что уж точно не стал бы тут же поддаваться инстинктам – при гостях и плачущей вдове!

Ну уж нет. В мыслях Ульда, встреча с его избранной – араной – неизменно происходила ранним свежим утром в поле, до горизонта дышащем золотистыми колосьями хлеба. Он бы наверно возвращался из похода, а она, быть может, шла бы ему навстречу, неся пахарям завтрак... или же брела довольная с ночной охоты, неся за плечом связку жирных уток или тетёрок.

В общем, что бы ни привело её в поле в тот ранний судьбоносный час, они с араной в его мыслях непременно оказывались там одни, и ничто не мешало им предаваться радости воссоединения.

Отчасти так и случилось...

Сейчас Ульд и его истинная были наедине. И даже где-то вдали, над кромкой шелестящего кронами леса уже начал заниматься рассвет. Вот только вместо поля, полного золотых колосьев, был берег реки, улитый кровью его соплеменников, которых убила долгожданная наречённая, прежде чем, наконец, сдать его собственной воле. Но что хуже того, была она негордой полнокровной орчихой, в схватке с которой ещё пришлось бы попотеть, чтобы не потерять, например, глаз, как его дядя Аргур, а хрупкой светловолосой эльфийкой.

Эльфийкой!

Орочьи и эльфийские хроники часто спорили о том, чей народ первым заселил Эвенор. Но, в конце концов, каждому здравомыслящему существу, углублявшемуся в этот вопрос, без сомнения, должно было быть понятно, что от остроухих не стоит ждать правды в том, что может пошатнуть устои их веры в собственную избранность и святость. Поклоняясь своей незабвенной Лантишан, они отчего-то всё время забывают про Немлу, её младшую сестру, прародительницу орочьего племени.

Об этом родстве упоминается лишь вскользь в одном из не самых распространённых эльфийских трактатов о зарождении мира. В нём Немла описывается едва ли не как безродная прислужница ясноликой, хотя обе божественные сёстры строили этот мир вместе – Немла создавала реки, леса и поля, а Лантишан наполняла их жизнью.

В отличие от эльфов орки всегда гордились известной им правдой и не пытались обелить свою богиню-мать в её поступках. Так, в песне “О первой колыбели”, до сих пор наизусть известной всем орочьим жрецам, рассказывается о том, как Немла позавидовала дару Ланти-

шан создавать жизнь из пустоты и, усыпив ту, украла у неё немного волшебной силы. С её помощью она вдохнула жизнь в существ, созданных ею из камня, глины и болотной тины – первых орков. Всего двоих, ведь украденной магии было так мало! Но проснувшись ото сна, Лантишан увидела, какими искусными получились живые существа у её сестры. Какими сильными и разумными! За это она безумно разозлилась на неё и повелела уничтожить их немедленно, пригрозив, что в противном случае сделает это сама без всякого милосердия.

И Немла согласилась. Но, отведав первых орков в пустынные земли, поняла, что не сможет поднять руку на своих детей. Тогда богиня пала перед ними ниц и, рассказав обо всём, вознесла кинжал, который дала ей Лантишан, чтобы совершить страшное убийство, а после вонзила его себе в сердце, сказав, что лучше умрёт сама, чем позволит им погибнуть от гнева своей жестокой сестры.

Вот так, великая милосердная Немла, желая защитить своих детей, пожертвовала им свою жизненную силу, дабы те жили долго и свободно. Были сильны и мудры, и ни перед кем не склоняли головы!

Так и случилось. Приняв смерть ради орков, Немла не только защитила их, но и освободила от коленопреклонства и зависимости от единого в мире источника магии – божественной благодати старшей из сестёр.

Рассвирепев от оттого, что сестра не послушалась её, а орки отныне неподвластны ей, Лантишан удалилась в дремучие леса, желая создать существ, превосходящих их во всём, чтобы те истребили ненавистный народец. Но все-то у неё не ладилось, существа получались слабыми и глупыми, пока богиня наконец не додумалась вливать каждому из них в уста свою собственную силу. Тогда в конце концов она добилась своего, и древние леса заселили остроухие, тонкокостные эльфишки. Умелые в магии, но совершенно неприспособленные к жизни без неё.

Соплеменники Ульда жили, может, и не так долго, как их дальние родственники, зато их силы питала магия, которая шла изнутри самих орков. Пусть она была слабее и имела мало общего с благодатью Лантишан, но они рождались с ней и не нуждались в постоянном соприкосновении с её источником. Оттого все они были не в пример мощнее эльфов физически, имели крепкое здоровье, а главное, свободолюбивый дух, которым остроухие похвастаться не могли.

И пусть магические способности эльфов были куда сильнее – это не стоило рабского ошейника, который нацепила на них, всех и каждого, их собственная мать – непогрешимая ясноликая Лантишан.

Такова была настоящая история. Разумеется, непризнанная эльфами, и погребённая под слоем пыли в старинных свитках, которые старейшины эльфийских домов почитали проклятыми, но бережно хранимая первыми детьми Эвенора.

Орками.

Глава 8

Ульд тяжело поднялся с земли, поправляя на себе одежду и замер, сверху вниз глядя на застывшую у его ног обнажённую эльфийку. Её бледная, тонкая кожа, словно светилась изнутри лунным светом... или ему просто так казалось? Белые волосы шёлком струились по хрупким плечам, обнимая упругими локонами маленькие груди с острыми розовыми сосками. Но лучше всего в приглушённом мраке предрассветных сумерек ему были видны ее глаза – яркие, блестящие, словно большие чистейшие изумруды. Она действительно была так прекрасна или это ему лишь казалось, из-за того, что они судьбой предназначены друг другу? Хотя... имеет ли то хоть малейшее значение после того, как всё случилось именно с ними. С эльфийкой чей клан вероломно напал и истребил караван, возвращавшийся домой после долгого похода, и орком, который всего несколько часов назад отдал приказ уничтожить всех жителей её родной деревни ради мести.

Знает ли она, что отныне одна в этом мире и лишь он, убийца её близких, её единственный защитник? Сможет ли простить его... даже не так – сможет ли понять и принять?

...а полюбить?...

Ульд тряхнул головой, отгоняя тягучий морок тяжёлых мыслей и эльфийка отпрянула от него в страхе. Это не укрылось от его взгляда и больно кольнуло орка в самое болезненное место – куда-то под рёбрами, глубоко, где никогда ещё не болело.

Его собственные чувства были для Ульда загадкой. Сейчас он ощущал себя оголённым нервом, куском плоти, сжавшимся в ожидании нового болезненного укола, но старался не подавать виду. Чувствовала ли его наречённая то же самое? Или для эльфов всё иначе?

От внезапной мысли о том, что его арана могла и вовсе ничего не чувствовать к нему, Ульд едва не вскрыл ногтями кожу на своих огрубевших ладонях – так сильно мужчина сжал тяжёлые кулаки.

Орк и эльфийка предназначенные друг другу? А ведь он даже подумать не мог о том, что такое возможно! Что это, если не козни коварной эльфийской богини? Вот только зачем ей соединять судьбу ненавистного потомка сестры с возлюбленной дочерью... а самое главное, как ему, будущему предводителю клана, теперь с этим жить?!

Стараясь больше не смотреть на неё, чтобы не выдать своих мыслей, Ульд сорвал с плеч мёртвого Оргри плащ из грубой, но тёплой шерсти и швырнул его эльфийке.

– Оденся. – Бросил он через плечо на эльфийском, уже отвернувшись от неё, для того чтобы вернуть на бёдра пояс для ножен от меча и двух кинжалов.

Меч и один из кинжалов лежали тут же, а о том где второй он догадался по тихому шелесту стали за спиной.

– Уверена, что хочешь начинать это снова? – спросил он не оборачиваясь. – Если желаешь, я могу сломать тебе обе руки. Они не сильно пригодятся в дороге.

Он не увидел, но почувствовал, что эльфийка пошатнулась на ватных ногах и нерешительно опустила кинжал обратно в траву. А сразу после всхлипнула. Да так громко и жалобно, что Ульд поморщился, как от зубной боли.

– Что ты сделал со мной? Это какая-то ваша магия, да? – спросила она надрывно и будто бы даже с надеждой. – Сними свои чары... слышишь? Сними их сейчас же!

– Глупая эльфа.

Проворчал орк сквозь зубы и прошёлся вперёд, мимо тел своих воинов, собирая то, что позволит родичам почтить их память. У Оргри нашёлся амулет из клыков медведя, Марграг носил кожаный браслет, украшенный клёпками из бронзы и латуни, а у Верга пришлось вырвать нижние клыки. Этот бурвадег был из хоргюргов – жрецов Немлы, превыше всего чтивших аскезу. Они не брали себе доли из награбленного, не украшали себя и не имели личного

оружия – для хоргюргов всё оно было общее. Уходя на битву, они брали что приглянется из монастырской оружейной и туда же возвращали, если не случится пасть или потерять его в бою. Подобно Немле, отрѣкшейся от жизни ради своих возлюбленных детей, её жрецы без страха жертвовали всем ради блага соплеменников.

Ульд тяжело вздохнул, поднимаясь от тела павшего товарища. Была ли его смерть достойной в глазах богини-матери?

Судя по тонкому голоску, раздавшемуся позади, эльфийка поняла его печаль по-своему.

– Я защищалась. Вы бы убили меня! Как... как Йейри...

Вот значит, как звали этого дурачка, упрямо нукавшего на все вопросы. Только зачем об этом было знать Ульду? У них ведь всех были имена, у жителей её деревни. Их она тоже ему перечислит? Нет, лучше было ему их не знать. Враг с именем – уже никогда не станет прежней бездушной тушей на пути к справедливому отмщению. Ведь у всех тех орков из каравана, чьими черепами была украшена площадь в её деревне, тоже были имена. Не хочет ли она, в свою очередь, узнать их? Малькан, Ригерга, Панф, Друб...

– Ты ждёшь похвалы?

– Я жду объяснений!

Ульд помолчал мгновение и, поджав губы, отвернулся от неё. Взгляд его ещё раз прошёлся по телам воинов, но теперь орк уже не видел в них прежних товарищей. От них остались лишь пустые оболочки, а значит, с тел можно было поднять всё, что пригодится ему сейчас или позже.

– Ты оглох? – со злостью выкрикнула ему в спину эльфийка и попыталась обойти спереди, нелепо кутаясь в слишком большой и тяжёлый для неё плащ. – Что ты сделал со мной...

Она совершила ошибку, подойдя к нему слишком близко. Или раньше, осмелев от того, что он не убил её на месте и, решив что после случившегося может говорить с ним в таком тоне.

Огромный, внешне казавшийся неповоротливым орк, быстро, едва уловимо поднял руку и сжал её на челюсти девушки, широкой ладонью зажав ей рот и нос. Эльфийка содрогнулась, с диким ужасом уставившись в глаза Ульда и замычала, маленькими пальчиками вцепившись в его необъятное запястье.

– Слушай. Повинуйся. Молчи! – прорычал мужчина ей в лицо, приблизившись настолько, что от его дыхания дрожали маленькие локоны, разметавшиеся по её лицу.

Эльфийка что-то промычала в ответ, яростно сверкнув изумрудными глазами, но Ульд не разжал руку. И тогда, начав задыхаться, она вымученно кивнула.

Только после этого он отпустил её, а для острастки ещё раз с угрозой заглянул в её прекрасные глаза. Отметил про себя, что несмотря на то что видел эльфийских женщин и раньше, они никогда не казались ему такими красивыми. Даже наоборот, Ульд наблюдал обнажённые тела эльфийских рабынь, пригнанных с востока, и чувствовал отвращение к их угловатости и молочной бледности кожи. Что женщины, что мужчины эльфийской породы выглядели для него как недоедающие, больные подростки и всё хорошее, что к ним можно было испытывать – это жалость. Да только они её не заслуживали.

И не получали.

Теперь же орк смотрел на девушку перед собой, одну из многих таких же, но ему не хотелось сводить с неё глаз. Хотелось разглядывать и даже больше – руки чесались стянуть с неё этот грубый шерстяной плащ, скрывающий волнующую беззащитную наготу...

Словно прочтя его мысли, девушка плотнее закуталась в свою единственную одежду и отступила, не сводя со своего пленителя настороженного взгляда. Её губы дрогнули, будто желая обронить очередное едкое слово, но остались безмолвны, помня о приказе того, кто явно не был расположен шутить.

Ульд отвернулся от неё, чтобы не заметила улыбки, тронувшей уголки его рта, и спешно поднял с тела Верга тонкую, скрученную в жгут верёвку, которую тот использовал для плетения силков на зайцев и лесных птиц.

– Руки. – прорычал он, подойдя к пленнице, но та не шелохнулась. Только затравленно уставилась на него своими огромными глазищами. – Что?

Эльфийка сдавленно сглотнула и ответила:

– Как же я буду держать плащ, если ты свяжешь меня? На мне ведь совсем ничего нет...

На мгновение Ульд уставился на неё, находясь в замешательстве, ведь рабам, точнее, эльфам, захваченным в плен, одежда вовсе не полагалась – в ней можно было спрятать много всякого, что сгодилось бы остроухим для побега. Но эту эльфийку он своей рабыней не считал... хоть и собирался выдавать её за пленницу перед соплеменниками. И всё же, одна только мысль о том, что другие бурвадеги будут пялиться на неё, совершенно обнажённую и открытую их сальным насмешкам, заставила орка поморщился до зубовного скрежета.

Пересилив сомнения, мужчина схватил девушку от страха дёрнувшуюся в сторону и удержав за плечи на месте, достал из-за пояса кинжал, заставив её закричать от ужаса.

– Если язык дорог – молчи! – рявкнул он ей в лицо.

Только это заставило эльфийку замереть на месте и позволить ему довершить начатое.

Дёрнув её к себе, Ульд оттянул шерстяной плащ, наброшенный на её плечи и сделал в нём грубые прорезы для рук, после чего отрезал кусок от верёвки, которую сжимал в руках, и перехватил ею девушку поперёк талии, вместо пояса. Отошёл на шаг, оценивая проделанную работу и недовольно фыркнул.

Получившаяся хламида смотрелась на худенькой эльфийке, как отцовский доспех на угловатом подростке. Но всё же это было лучше, чем ничего.

Тащить пленённую эльфийку на привязи, ведя за собой как собаку, было бы правильной, но Ульду не хотелось в который раз подставлять изворотливой девице спину. Если уж в неравном бою, смотря ему в глаза, она дважды чуть его не убила, то страшно подумать, что она предпримет, когда в пути до лагеря у неё в достатке будет времени на размышления и нападение.

Впрочем, не её возможное нападение страшило его, а побег. Ульд даже думать не хотел о том, что случится, если эта девчонка сбежит от него.

Серая шерстяная хламида, которую он заставил её надеть, казалось бы, должна была хорошо скрывать фигуру эльфийки. Но та, будто назло, выступала по лесной тропе в том неказистом облачении, словно лесная королева в шелковом одеянии – шагала плавно и легко, качая бёдрами и держа горделивую осанку, словно ни разу за всю жизнь ни перед кем не склоняла головы.

Смотреть ей вслед было Ульду приятно, но при этом раздражало до зубовного скрежета. Потому что глядя на то, как она ведёт себя, орк не мог не думать о том, что любое худо-бедно правильное объяснение тому, почему он оставил её в живых и держит теперь при себе, разобьётся вдребезги из-за непокорного нрава эльфийки.

Чтобы отвлечь себя от тяжёлых мыслей, а её от составления плана побега, который точно крутился в её голове, Ульд решил спросить о том, о чём следовало ещё тогда, на берегу.

– Эй? – позвал он, на что девушка даже ухом не повела. Только нос выше вздёрнула, – Как зовут? Почему молчишь?

Эльфийка нервно дёрнула плечиком и коротко обернулась к нему, пронзив убийственно холодным взглядом.

– Ты же велел молчать. Вот и молчу.

Ульд ухмыльнулся её дерзости. Много эльфов он встречал на своём веку, но ещё ни разу не видел, чтобы кто-то, шагавший рядом с ним в путях и дырявых тряпках, позволял себе при разговоре с ним такой снисходительный тон. Можно было подумать, что это не он её пленил, а наоборот!

– А теперь велю говорить. – спокойно ответил он, с интересом наблюдая за тем, что будет дальше.

Девушка помолчала, не сбавляя прежнего темпа, отмеряя шаг за шагом, и, не оборачиваясь, ответила.

– Не скажу.

Хочет играть с ним? Что ж, будут ей игры.

Орк встал на месте и дёрнул на себя верёвку, которой были связаны её руки, заставив девушку резко развернуться, едва не упав.

– Глупая. Хочешь, чтобы заставил сказать?

– Скажу, только если расскажешь, где так хорошо научился высокой речи. – Ответила она, смерив его презрительным взглядом, – Не подумай хорошего, акцент у тебя ужасный, но то как много слов ты знаешь, как умело вставляешь их в предложения... никогда не слышала об орках, свободно говорящих по-эльфийски!

– Не слышала, не значит что таких нет. Зачем тебе?

– А имя моё тебе зачем?

Ульд недовольно нахмурился и сложил на груди мощные руки, так, что верёвка, удерживающая девушку, резко натянулась, заставив ту нехотя сделать два быстрых шага ему навстречу. Иначе бы эльфийка просто упала.

– Так и будем отвечать вопросом на вопрос?

– Не нравится? А ты попробуй для разнообразия первым дать нормальный ответ?

Ульд нахмурился ещё пуще прежнего. Эта маленькая вредная Арана начала его раздражать. Пожалуй, он запросто мог бы ответить ей на любой вопрос, кроме этого, ведь ответ на него был слишком личным.

И всё же, эльфийка выдержала его тяжёлый взгляд. Подумав, что хуже ни ей, ни ему от такого знания не будет, Ульд недовольно пробурчал:

– Мать научила.

– А её кто научил? – тут же отозвалась назойливая пленница, казалось, нисколько не удивившись ответу.

– Это уже другой вопрос. Теперь ты отвечай.

– Меня зовут... Эрисин. – ответила она, замешкавшись и гордо вздёрнула нос.

На бледном лице её при этом разлился нежный розовый румянец, заставивший Ульда разозлиться.

– Лгунья. – сказал он сквозь зубы и специально дёрнул на себя верёвку, заставив эльфийку сделать к нему ещё два быстрых шага, и оказаться почти нос к носу.

– С чего ты взял, что я лгу?

Как бы дерзко она сейчас ни смотрела ему в глаза и как бы уверенно не говорила, тень страха отразилась на её лице и видна она была невооружённым взглядом.

– Ты покраснела, когда сказала. Я заметил, ты краснееешь, когда пытаешься что-то скрыть.

– А ты значит мне не солгал? – огрызнулась девушка в ответ и смело вцепилась в верёвку, со злостью дёрнув её на себя, как этот делал Ульд. С той только разницей, что для того чтобы сдвинуть с места Ульда потребовалась сила двадцати таких хрупких дерзких пигалиц. – Твоя мать знала эльфийский? Серьёзно?! А отец наверно ещё и дружбу с Эвандоэле Мудрым водил, да? Ха-ха-ха!

Вот это уже было зря. Чувствуя, как вскипает внутри возмущение, орк схватил её за связанные запястья и без труда поднял, так чтобы заглянуть ей прямо в глаза.

– Не смей больше ни слова говорить о них. Чтоб ты знала, орки никогда не лгут. Это не в нашей природе, а в вашей гнилой эльфийской натуре!

Но вместо того чтобы испугаться пуше прежнего, наглая остроухая лишь прищурилась и словно змея прошипела, сквозя ядом в каждом слове:

– А учить врагов высокой речи – не в нашей!

Выдержав её взгляд, Ульд с негодованием зарычал и разжал руку, позволив ей вновь встать на ноги. Но и теперь остроухая девчонка, вместо того чтобы попятиться от него в страхе, только небрежно отряхнулась, и упрямо посмотрела на него снизу вверх, словно намекая на то, что победа в этом споре всё равно за ней.

– Думай что хочешь. Но теперь ты должна мне два ответа.

– Хорошо. – неожиданно спокойно ответила она. – Меня зовут Нерандиль.

Ульд смерил её недоверчивым взглядом, но всё же остался доволен ответом. Ему показалось, что это имя ей подходит, да и произнесла его эльфийка легко, как если бы делала это часто.

Нерандиль... Нера. На орочий можно перевести, как “изумрудная песнь”. вот что напоминали Ульду её глаза – искристые изумруды.

Утвердительно качнув головой, не ей, а больше себе, мужчина спокойно двинулся дальше, потянув её за собой.

Но теперь эльфийка сама не захотела идти следом за ним и тем более молча. Обогнав Ульда, она встала перед ним, перегородив путь, и спросила с вызовом:

– И всё? Больше ничего не скажешь? А как же второй вопрос?

– Оставлю его на потом. – Терпеливо ответил орк и подтолкнул её вперёд, к деревьям, за которыми кончалась едва различимая в подлеске тропа и начинался пологий, поросший кустарниками обрыв. – Мы пришли. Хочешь жить, Нерандиль, забудь как говорить и поднимать голову.

Глава 9

*"Ответь скажи,
Позволишь ли остаться?
Иль всё о нас
Во сне явилось мне?
Благословенье
Ты или проклятье?
Была ль любовь, иль
Врали мы себе?"*

*Эмендиль Лазурный "Изумрудная песнь"
перевод с эльфийского*

Ульд никогда не считал себя отчаянным храбрецом. Бывало, что в пылу битвы, когда враги теснили его, а вокруг лилась кровь и умирали соплеменники, он испытывал страх, но тот лишь подстёгивал его биться яростней прежнего. Сейчас же, на подходе к лагерю его охватил страх совсем другого толка. Необычный и никогда ранее не испытанный.

Страх не за себя. А за хрупкую девушку рядом, которая по какой-то жестокой, извращённой шутке богинь оказалась эльфийкой и притом его Араной, суженной.

Как возможно орку, да ещё и гаркару-предводителю, полюбить девушку из вражьего рода? Нет, такое нельзя было объяснить соплеменникам. Тем более, воинам, на мечях и руках которых ещё не успела обсохнуть эльфийская кровь.

Спустившись с холма, они встретили постовых. К счастью, те, увидев кто перед ними, не стали останавливать Ульда с его пленницей, хоть на их лицах и можно было прочесть десятки вопросов, назойливо вертевшихся на языках воинов:

Пленница? Но, уважаемый гаркар Ульд, мы ведь не берём пленных...

Эльфийка в лагере бурвадегов? Но, разве мы торговцы, чтобы тащить за собой рабыню-махве? Не лучше ли вам убить её на месте, а махве купить себе на облачном торгу? Обученную и покорную, взамен этой, дикой, у которой всё что угодно может быть на уме...

Однако, войдя в лагерь, от вопросов и косых взглядов, было уже не укрыться. К счастью, Нерандиль, почувствовав опасность, исходившую от сотни воинов окружавших её теперь со всех сторон, присмирела. Как и просил её Ульд, спрятала свой непокорный нрав и острый язычок подальше от этих пристальных взглядов и чутких ушей. Шла за Ульдом, след в след, покорно склонив голову и потупив взгляд, лишь изредка поднимая его и то украдкой.

Мужчина был рад этому. И ещё больше тому, что она не знала его родного языка, потому что ему самому было невыносимо слушать доносившиеся со всех сторон ругательства. Ульд гневно сжимал кулаки и до скрипа стискивал зубы, желая разорвать всех и каждого, позволившего сейчас такие оскорбления в её сторону. Но сдерживался, потому что в том для Нерандиль было бы больше вреда, чем пользы.

Им ни в коем случае нельзя было привлекать к себе... неправильное внимание. Для всех она должна была быть его рабыней, а за рабынь не заступаются ни солдатня, ни тем более уважаемые гаркары-предводители.

Из-за обозов с вывезенным из эльфийской деревни добром, составленных в стороне от обустроенного лагеря, навстречу Ульду выбежала Асгерд.

Высокая, статная орчиха с толстой смоляной косой до пояса, быстро сменила улыбку на встревоженный взор, когда увидела, кого гаркар ведёт на привязи следом за собой. И всё же шага не сбавила. Подошла, вежливо склонила голову и спросила, с отвращением глядя на пленницу:

– Вы поймали разведчицу, мой гаркар? Могу ли я допросить её для вас?

– Нет. – недовольно отрезал Ульд, но тут же смягчился, увидев, как испугал этим Асгерд. – Впрочем, можешь запереть её и проследить, чтобы осталась жива до моего возвращения.

– Как вам угодно. – ответила она сдержанно, протянув руку к верёвке, удерживавшей эльфийку.

Прежде чем вложить её в раскрытую ладонь орчихи, мужчина взял ту за руку и чуть склонившись к ней тихо добавил:

– Жива и невредима, Асгерд.

В ответ та хоть и посмотрела на него недовольно, но всё же спорить не стала. Кивнула и потянула перепуганную эльфийку за собой. Ульд чувствовал, что та ещё долго смотрела ему вслед, но сам не обернулся. Только стремительно направился в сторону большого костра, где его уже точно ждали.

Никто не должен был заподозрить, что она ему небезразлична. Никто.

Асгерд он верил как себе. Пригретая им ещё подростком, девочка-сирота уже давно выросла в сильную и независимую воительницу. Но благодарности своей не растеряла, хоть с того дня, когда Ульд достал её из-под руин разрушенного эльфийскими налётчиками дома, минуло уже больше шести десятков лет. Он знал, что она пусть и не с удовольствием, но проследит за тем, чтобы Нерандиль ничего не угрожало в его отсутствие.

Сколько бы оно ни продлилось.

У большого костра поодаль от остального лагеря, под сенью старого ветвистого дуба собралось карчакары бурвадегов, первые помощники и главные над десятками воинов. Все они – представители уважаемых кланов Облачной Долины, отправившиеся в путь вслед за Ульдом, признав его своим гаркаром. Не хватало среди них лишь хоргюрга Верга, жреца Немлы и за его смерть орку предстояло держать перед ними ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.